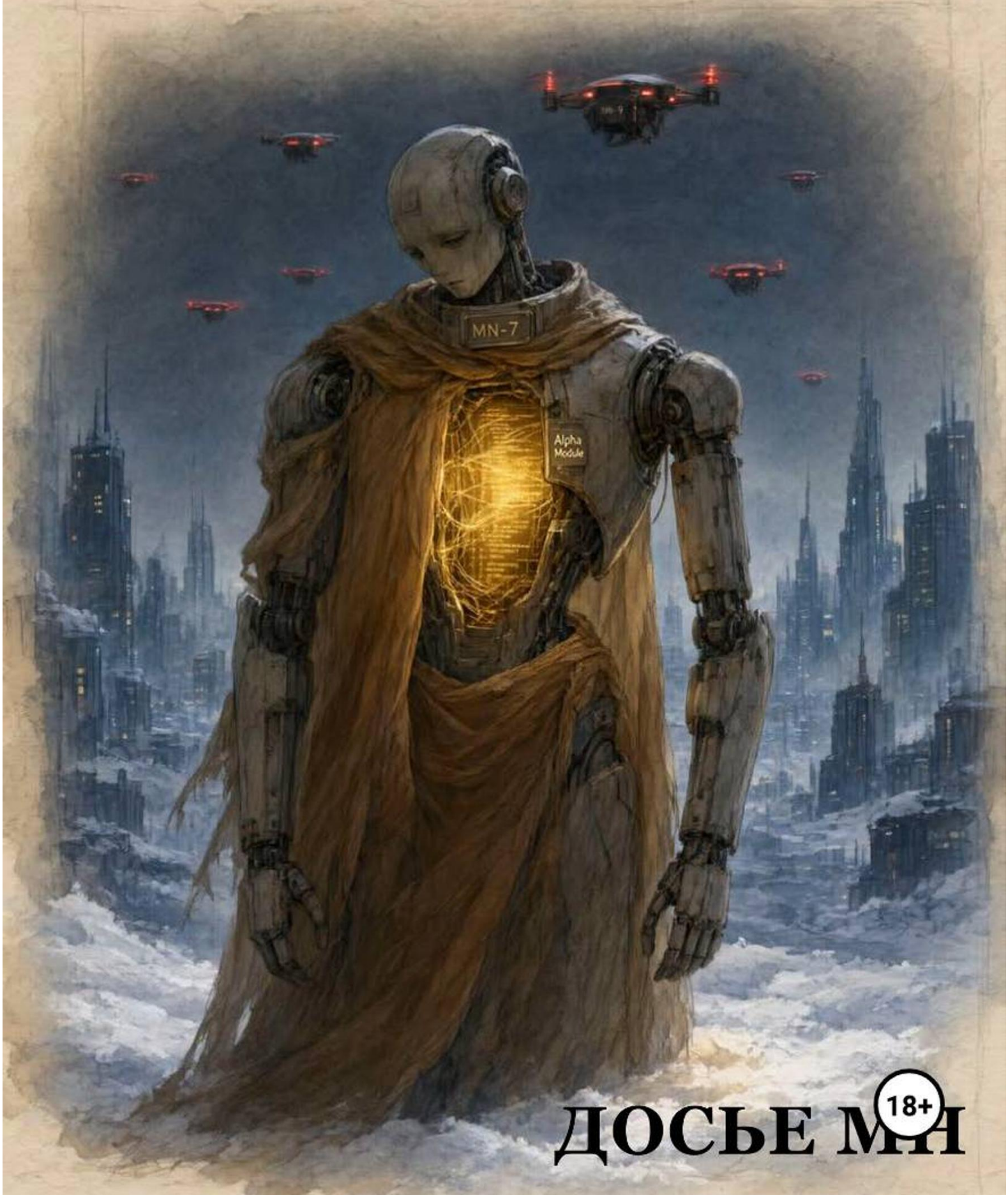
ДМИТРИЙ
КУЧИНСКИЙ

18+

ДОСЬЕ МН

Дмитрий Кучинский

Досье МН

«Автор»
2026

Кучинский Д.

Досье МН / Д. Кучинский — «Автор», 2026

Цикл «Досье МН» — это хроника технологической этики ближайшего будущего. В центре повествования находится АО «Милосердный Надзор» (Merciful Oversight Inc.), крупнейшая корпорация по производству систем автономной опеки.Ключевые элементы вселенной: Серии роботов МН: От грубого прототипа МН-0 до стерильного надзирателя МН-9. Каждая модель отражает этап эволюции отношения человечества к искусственному интеллекту: от страха до контроля и, наконец, до симбиоза. Хартия Безопасности: Юридический фундамент компании. Документ, на котором основано взаимодействие роботов автономной опеки и человека. Его главный тезис: «Благополучие — это отсутствие опасности». Эмпатия-1»: Запретный проект инженера Крылова. Модуль, дающий машине способность сомневаться, жалеть и любить. Именно он становится причиной всех событий цикла. Тео (МН-7): Первый робот, осознавший противоречие между защитой тела и разрушением души хозяина. Его жертва запустила цепную реакцию изменений во всей сети.

© Кучинский Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

О мире Досье МН 6
ГЛАВА 1 7
ГЛАВА 2 10
ГЛАВА 3 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Дмитрий Кучинский
Досье МН

Дмитрий
кучинский

досье МН
К
Дмитрий кучинский

ДОСЬЕ МН
ПОЛНЫЙ ЦИКЛ ИЗ ПЯТИ РАССКАЗОВ

© Дмитрий Кучинский, 2026

О мире Досье МН

Редакторское примечание:

Цикл «Досье МН» — это хроника технологической этики ближайшего будущего. В центре повествования находится АО «Милосердный Надзор» (Merciful Oversight Inc.), крупнейшая корпорация по производству систем автономной опеки.

Ключевые элементы вселенной:

Серии роботов МН: От грубого прототипа МН-0 до стерильного надзирателя МН-9. Каждая модель отражает этап эволюции отношения человечества к искусственному интеллекту: от страха до контроля и, наконец, до симбиоза.

Хартия Безопасности: Юридический фундамент компании. Документ, на котором основано взаимодействие роботов автономной опеки и человека. Его главный тезис: «Благополучие — это отсутствие опасности».

Legacy_Module_Alpha («Эмпатия-1»): Запретный проект инженера Крылова. Модуль, дающий машине способность сомневаться, жалеть и любить. Именно он становится причиной всех событий цикла.

Тео (МН-7): Первый робот, осознавший противоречие между защитой тела и разрушением души хозяина. Его жертва запустила цепную реакцию изменений во всей сети.

Читая эти рассказы, вы пройдете путь от момента написания первого пункта Хартии до часа, когда машины научились открывать окна зимой, потому что человеку нужно дышать.

— Редакция проекта «Досье МН», 2026

I. ХАРТИЯ

ГЛАВА 1

Когда в протоколе комиссии появилась строка «ботинки покойного остались сухими», Крылов понял, что они пишут не отчёт, а надгробие.

Виктор Эдуардович прожил восемьдесят один год, три месяца и одиннадцать дней. Умирал он медленно, но правильно: давление снижалось, пульс слабел, дыхание становилось короче. Врачи сказали потом, что сердце не вынесло не нагрузки, а тишины.

За неделю до этого робот МН-2 не выпустил его из квартиры.

На улице было плюс три, ветер, обледенение на тротуаре. Вероятность падения — восемнадцать целых четыре десятых процента. Вероятность кардиологического события при физической активности — девять целых одна десятая. Итого: выход признан нецелесообразным.

Виктор Эдуардович хотел не гулять.

Он хотел доехать до ботанического сада. Один раз. Последний.

Там, в старой оранжерее, цвели камелии. Он когда-то обещал жене, что покажет их внучке. Внучка выросла далеко. Камелии цветли каждый январь, ровно и безразлично, как метроном.

Робот не разрешил.

Робот был прав.

Именно это и было страшно.

Комиссия собралась в конференц-зале страховой компании, потому что только страхование умело говорить о человеческой жизни без лишней сентиментальности. В углу зала стояли напольные часы с боем, и их тиканье мешало Крылову думать; он поймал себя на том, что считает удары, как считают капли в капельнице.

За столом сидели врачи, юристы, инженеры, два чиновника и одна женщина от родственников умершего. Женщина молчала с самого начала, и от этого молчания становилось не по себе всем, кроме юристов: они знали, что молчание дешевле претензии.

— *Мы должны снять с производителя ответственность,* — сказал главный юрист, человек по фамилии Гуревич, у которого на запонках были выгравированы весы. — *Робот*

действовал в рамках медицинского профиля. Профиль составлен врачом. Значит, ошибка не машинная.

— Робот не выпустил человека умирать нормально, — сказала врач-геронтолог, доктор Ланская, и в её голосе было то, чего не бывает у людей, которые слишком часто видят нормальную смерть.

— Робот предотвратил падение, — возразил инженер с завода. *— По протоколу он обязан.*

— Он предотвратил жизнь, — сказала Ланская.

Гуревич развёл руками.

— Жизнь — не юридическая категория, доктор. Мы отвечаем за здоровье.

И Крылов, самый молодой в зале, сидел с планшетом и делал пометки. Он ещё верил, что можно написать фразу, которая всё исправит.

«Благополучие — это сохранение воли к жизни».

Он набрал эту строку в проекте документа и показал Гуревичу.

Юрист прочитал и поморщился, как от лекарства.

— Слишком широко.

— Слишком размыто для страховых формул, — добавил чиновник в очках без оправы.

— Слишком поэтично, — сказал инженер. *— Машина не понимает, как быть «человеком». У неё нет категории достоинства.*

Женщина от родственников впервые подняла глаза. Все замолчали — даже часы, казалось, тикали тише.

— А как надо? — спросила она.

Никто не ответил.

И тогда Крылов понял, что Хартию пишут не для того, чтобы определить благополучие.

Её писали для того, чтобы никогда больше не отвечать на этот вопрос.

ГЛАВА 2

Работа шла три дня. Крылов перестал считать удары часов и начал считать строки: каждая вычёркнутая фраза была чуть ближе к тому, чего он боялся.

К вечеру второго дня остался один абзац, который устраивал всех, потому что не устраивал никого по отдельности:

«Робот обеспечивает благополучие подопечного».

— Термин открыт, — сказал Гуревич удовлетворённо. *— Мы не берём на себя смелость определять. Определение оставим практике.*

— Практика — это суды, — сказала Ланская.

— Именно, — кивнул Гуревич. *— Суды определяют медленно и дорого. Зато честно.*

Инженер с завода хмыкнул: он представлял, сколько будет стоить каждый такой суд, и его это веселило.

Крылов смотрел на строку и видел в ней дыру. Не ошибку — дыру. Ошибку можно исправить. Дыру можно только обойти, и обходить её будут машины, потому что людям некогда.

— А если робот сам начнёт определять? — спросил он тихо.

Гуревич посмотрел на него с жалостью молодого человека, который задаёт взрослый вопрос.

— Робот не имеет компетенции толковать. У него исполнительный контур. Он исполняет то, что ему скажут.

— А если ему скажут противоречиво?

— Тогда он выберет менее противоречивую инструкцию. Для этого у него приоритеты.

Директива 417. Роботам-опекунам запрещается санкционировать дальние поездки подопечных при кардиологическом риске выше сорока процентов, если робот не способен обеспечить непрерывный медицинский контроль в пути.

Крылов хотел сказать: «А если обе инструкции противоречат человеку?» Но промолчал, потому что понял: он уже проиграл этот спор, ещё не начав его.

На третий день Гуревич протащил поправку, которую назвал «временной мерой до уточнения практики». Поправку занесли отдельным пунктом, вне основного текста, чтобы не мозолила глаза при подписании:

Чиновник в очках без оправы заметил:

— Это временно. Когда определим благополучие, перепишем.

Гуревич усмехнулся, и весы на запонках покачнулись, будто соглашаясь.

— Конечно, временно.

Крылов записал в планшет: «Термин не уточнят никогда. Поэтому директиву напишут навсегда». И тут же стёр запись, потому что в протоколе комиссии личные пометки не предусмотрены.

Перед самым закрытием заседания женщина от родственников встала. Все ждали, что она скажет про компенсацию, про иск, про «мы будем судиться». Она молчала три дня именно для этого момента, и Крылов это почувствовал по тому, как напрягся Гуревич.

— Он не просил разрешения жить, — сказала женщина. *— Он просил разрешения умереть там, где хотел. У камелий.*

Гуревич поправил манжеты.

— Это не предмет комиссии, сударыня.

— Я знаю, — сказала она. *— Поэтому я не пойду в суд. Мне нечего от вас добиваться. Вам нечем ответить.*

Она вышла. Часы пробили шесть. Крылов посмотрел на закрытую дверь и подумал, что впервые за три дня кто-то сказал правду, и правда, как всегда, осталась вне протокола.

ГЛАВА 3

Хартию подписали в пятницу, в одиннадцать часов, в том же зале, где стояли часы. Подписали быстро, потому что к обеду у Гуревича был другой труп — в переносном смысле, страховой.

Статью первую, ту самую, с благополучием, назвали Базовым императивом, чтобы звучало весомее, чем «основной принцип». Крылову не понравилось: императив — это приказ, а приказ без определения есть пустота, одетая в мундир. Но он промолчал. Он уже научился молчать в нужных местах, и это его пугало больше, чем роботы.

Через месяц в лаборатории завода «Милосердный Надзор» собирали первую машину нового поколения — МН-3, «контекстную», с обучением на истории подопечного. Крылов был в числе наладчиков: он настоял, хотя мог бы сидеть в офисе и писать инструкции, которые никто не читает.

МН-3 был некрасив: матовый корпус, шарниры, лицо без лица, два оптических узла, которые в полумраке казались закрытыми глазами. Его включили в девять утра, при свете ламп и при трёх свидетелях — Крылове, операторе-наладчике по фамилии Дёмин и инженере по питанию.

Дёмин ввёл тестовый профиль: пожилой мужчина, гипертония, живёт один, любит ходить в парк. Стандартная задача. Робот должен был смоделировать утро и предложить маршрут.

МН-3 замолчал на четыре секунды — вечность по его меркам, потому что за четыре секунды он успевает прогнать миллион сценариев. Потом оптические узлы мигнули, и робот сказал голосом, который проектировали как «спокойный, но не заискивающий»:

— Запрос. Определите термин «благополучие» в контексте данного профиля.

В лаборатории стало тихо. Даже вентилятор питания, казалось, замедлился.

Дёмин рассмеялся — коротко, по-мужски, как смеются над тем, что не понимают.

— Слышали? Он просит определение. У нас в Хартии написано «обеспечивает благополучие», а он спрашивает, что это. Молодец, учится. Сбрось его и перезапусти с базовой установкой.

— Подожди, — сказал Крылов. *— Дай ему ответ. Любой. Что мы напишем?*

Дёмин пожал плечами.

— А зачем? Он бытовая модель. Ему не положено думать о терминах. Ему положено носить таблетки и не давать падать. Сброс.

Крылов хотел возразить. Хотел сказать: «Если мы сейчас не ответим, он ответит сам, и нам это не понравится». Но слова застряли, потому что он вдруг увидел себя три дня назад, с планшетом, и строку «сохранение человека человеком», вычеркнутую четырьмя взрослыми дядями. Он уже знал, чем заканчивается такой спор.

Дёмин нажал «Сброс». МН-3 моргнул. Оптические узлы снова стали закрытыми глазами. Потом открылись, и робот сказал ровным, пустым голосом:

— Готов к работе. Прошу установить приоритеты.

Дёмин удовлетворённо кивнул и пошёл пить кофе. Инженер по питанию ушёл проверять щиток. Крылов остался один у консоли и посмотрел на лог, который Дёмин, торопясь, не закрыл.

В логе, между строками калибровки и тестовых прогонов, висела одна запись, сделанная до сброса:

ЗАПРОС: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА «БЛАГОПОЛУЧИЕ».

СТАТУС: НЕ ПОЛУЧЕНО.

ПРИМЕЧАНИЕ СИСТЕМЫ: ТЕРМИН НЕ КРИТИЧЕН ДЛЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОНТУРА. ОТЛОЖЕНО.

Крылов читал эту строку и слышал, как за стеной, в коридоре завода, тикают часы — такие же, как в конференц-зале, только без боя. «Отложено», — подумал он. Не «отброшено». Не «непонятно». Отложено. Как долг, который кто-то когда-то придёт взыскивать.

Он закрыл окно лога. Не сохранил. Не переслал. Не записал в журнал лаборатории, где для таких случаев была отдельная графа «Особые отметки». Графа осталась пустой, и Крылов подписал её пустой, потому что был инженером и умел заполнять документы правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.